Автор: admin
05.10.2010 23:11 -

Драйзер - Достоевский (Стратиевская) - Часть 3

9. Достоевский. Насилие в воспитательных целях. (Исповедь Драйзера: "Мне запрещали говорить слово "нет"")

"Если Драйзер говорит: "Нет!", это означает: "Может быть".
Если Драйзер говорит: "Может быть." Это означает: "Да".
Если Драйзер говорит: "Да!", значит это — не Драйзер."
(Соционический анекдот)

Драйзер о Достоевском:
"Мне с детства запрещали говорить слово "нет". Бабушку (ЭИИ, Достоевский) ужасно раздражала моя привычка во всём ей перечить. Я действительно отказывалась от много из того, что она мне навязывала. В детстве я не один год и не одно лето провела в её доме. Я многое понимала, замечала, со многим не соглашалась. И это буквально бесило её. Она считала необходимым навязать мне свою волю везде и во всём, во что бы то ни стало. У неё были, конечно, свои причуды. Ей, например, хотелось меня откормить, чтобы я была пухленькой, "как пышка". Я не могла с этим согласиться. Она хотела, чтобы я выглядела так же, как девушки её молодости — эпохи НЭПа. Но я была человеком другой эпохи и между нами было 50 лет разницы! Но это её не смущало. Она навязывала мне свои вкусы, свои привычки, свой режим, свои интересы, — хотела сделать из меня, свою копию, свой дубликат. Но только ещё "лучше". Но проблема не только в этом. Самое страшное заключалось в том, как она реагировала на мои отказы. Стоило мне хоть в чём нибудь ей отказать, отклонить хоть какое - то её предложение, она сжав кулаки, налетала на меня как разъярённая фурия. Лицо её искажалось гневом, покрывалось пятнами. Она сотрясала кулаками над моей головой и высоким голосом, нескончаемой скороговоркой начинала меня отчитывать — по любому пусть даже самому ничтожному поводу. Главным обвинением было то, что я сказала слово "Нет!". Это слово действовало на неё как самый большой раздражитель, как красная тряпка на быка. Стоит мне сказать слово "нет", и она уже подлетает ко мне с кулаками, трясёт ими над моей головой и тараторит, тараторит до бесконечности. Я сначала слушала, что она говорит, потом уже выучила это наизусть. Это было всегда одно и то же — две - три фразы, которые она, как заезженная пластинка, повторяла до бесконечности. Говорила: "Так нельзя! Нельзя быть такой упрямой! Надо уступать! Тебя попросили уступит, — уступи! Ты попросишь, — тебе уступят! Сегодня ты уступишь, завтра тебе уступят. Нельзя отказываться! Отказывать — не хорошо! Ты этим обижаешь человека, а это — не хорошо! Не надо никого обижать, не надо отказывать." И так — по каждому поводу, по нескольку раз в день. Когда маленькой была, я не могла этого терпеть. Один раз сбежала из дома во время её атаки, стояла под проливным

дождём в одном лёгком платье перед окном её дома, целый час. Промокла до нитки, пока она наконец, не вышла с зонтиком и не завела меня в дом. Убедить её в чём - либо было невозможно. Уж, если она что - то решила, она заставит меня это сделать. И никаких отказов и объяснений не примет. Она читала мне такие лекции о необходимости со всеми соглашаться и всем уступать, но сама была на редкость не уступчивым человеком. Хотя посторонним никогда и ни в какой просьбе не отказывала. Потом стало ещё хуже: на каждое моё слово "Нет!" билась в истерике, звала дедушку на помощь, чтобы он помог ей меня убедить. Если и это не удавалось (а речь шла только о том, чтобы накормить меня чем - то жирным и уложить спать пораньше!) кричала, что не хочет жить. Когда я спрашивала: "А кто будет считаться с моим мнением и моими желаниями?", она налетала с кулаками. Кричала, что я ещё маленькая, не имею права иметь своих желаний, должна слушать, что старшие говорят и делать то, что приказывают. Родственники на меня нападали с упрёками, осуждали за непослушание, за то, что бабушку огорчаю. Один раз она мне всё - таки скормила то, что приготовила — это были невозможно жирные пончики. Она мне пропихивала их в рот пальцами. Мне стало плохо, она вызвали скорую, и выяснилось, что мне вообще нельзя есть ничего жирного. Только после этого она несколько успокоилась и перестала мне скармливать жирную пищу. Но была ещё масса других вещей, по которым мы спорили: ей хотелось, чтобы я спала по четырнадцать часов в сутки, загорала по пол дня, лёжа на солнцепёке. Я отказываюсь, она опять бьётся в истерике. Почему-то она решила именно меня сделать паинькой, шёлковой и послушной для всех. И что самое страшное — абсолютно безотказной. Я бывала спрашиваю её: "Как же я смогу сохранить невинность до свадьбы, если буду для всех уступчивой и безотказной?". А она мне: "Тебе ещё рано о свадьбе думать! — и тут же, со слезой умиления и с мёдом в голосе добавляет, — Вот если встретится человек, которого ты полюбишь и который тебя полюбит, тогда и выйдешь за него замуж." А то ещё приводила в пример какую-нибудь сказочную героиню, Золушку: "Вот какая она была добрая, безотказная! И замуж вышла за принца!" Тут уже я взрываюсь: "Добрая, безотказная… Да кто на неё, замухрышку, смотрел?!" Как же я уставала от её фантастического идеализма. Как много раз мне потом хотелось проверить и перепроверить её слова. Как часто я себя ловила потом, что она меня провоцировала этими россказнями на такие проверки! Как тяжело было сталкиваться потом с жестокой действительностью, сколько из-за этого идеализма трагедий мне потом пришлось пережить в жизни!

Но тогда я ещё об этом не думала. Старалась быть послушной. Но она всегда находила повод придраться. Терроризировала она меня нещадно. И постоянно жаловалась на меня за мою неуступчивость. Стоило только к нам в дом прийти посторонним людям, как она тут же начинала рассказывать, какая я плохая, непослушная, как извожу её своими дерзостями, отказами, как я "плохо кушаю". Не было ни одного случая, чтобы она не заставила кого - нибудь из гостей прочитать мне нотацию. Натравливала их на меня. Многие тут же и нападали на меня с упрёками, не дослушав её жалоб. Стоило мне только сказать: "Нет! Это не так! Это не правда!", как она тут же налетала на меня, начинала трясти и размахивать кулаками. А потом не стеснялась лупить даже при посторонних. С воплем: " Я слабая, больная женщина, а ты меня изводишь!" — налетала и начинала отвешивать пощечины [1]. Ладошки у неё были пухленькие, тяжёлые… С её подачи и другие родственники стали от меня требовать всего самого

для меня неприемлемого и нетерпимого, — того с чем я никак не могла согласиться, и от чего с души воротило.

А дальше — больше. В шестнадцать лет меня разлучили с парнем, одноклассником, который, как я теперь понимаю, был моей "половинкой". Потом уже просто швыряли меня как куклу куда угодно — куда взгляд упадёт, то на один провальный проект моих родичей, то на другой. Хотела учиться на ювели;ра после школы — не позволили: вредно для здоровья. И тут же отправили на номерной завод, работать с эпоксидными смолами. Где уважение к моим правам, где логика? И опять: "Не смей отказываться! Ты должна быть послушной, уступчивой!". Чуть только повзрослела, мать (ИЭЭ, Гексли) испугалась, что я рано замуж выйду и стала одевать меня, как маленькую девочку: покупала одежду в детском магазине ярких, дурацких расцветок с идиотскими бантиками и заставляла носить. Институт мне выбрала по своему вкусу, а потом заставила пойти и подать документы.

К этому моменту я уже почти совсем разучилась говорить "Нет!". Твёрдости хватало только на то, чтобы отказывать в близости мальчикам. Но родичи меня и тут опередили: выдали замуж по своей воле и своему усмотрению. Сказали: "Пойдёшь!" — и точка! Хотя в нашей семье таких традиций до сих пор ещё не было: и мама, и бабушка выбирали себе мужей по своему вкусу. Дальше началась череда других принуждений, и тут уже и мама, по примеру бабушки, взрывалась и наливалась гневом всякий раз, когда я говорила "Нет!". А спорила я теперь всё реже и реже. По счастью, мне через несколько лет удалось развестись с первым мужем, но дальше всё пошло только хуже: я уже была так запугана своими близкими, что боялась отказывать кому бы то ни было, боялась говорить "нет". Мне казалось, что если я это скажу, на меня набросятся с кулаками. У меня душа уходила в пятки при одной только мысли о последствиях моего согласия, но тем не менее, приходилось со всем соглашаться, просто потому, что язык не поворачивался говорить "Нет!". Хочу сказать "Нет!", а говорю "Да!". И сама холодею от ужаса, и ничего с собой поделать не могу. Потом уже родственники начали меня упрекать, говорили: "Ты даже ангела в демона превратишь! Рядом с тобой любой мужчина станет деспотом! Нельзя же так во всём им потакать!" (Они уже забыли, как выбивали из меня мою неуступчивость, рассчитывая, что она будет приоритетной для них, избирательной: им, родственникам, я буду уступать, а другим нет. А она стала тотальной, универсальной…) Что только не происходило в моей жизни! Кто только ни обращался ко мне за помощью. Одолжить денег? — пожалуйста! Прописать на свою жилплощадь? — сколько угодно! — хоть временно, хоть постоянно. Первого мужа обеспечила жилплощадью, за второго заплатила его алименты до момента совершеннолетия его трёхлетнего сына. (Его бывшая жена "Волгу" смогла себе купить на эти деньги.) Третьему мужу (ЛИЭ, Джеку) отдала квартиру и сбережения все, какие были. Он просто судорогой изошёл, когда упрашивал меня продать квартиру и отдать деньги ему. Уговаривал пока пожить у свекрови. А когда я осталась ни с чем, свекровь (СЛЭ, Жуков) выгнала меня из дома. Просто взяла и выгнала на улицу. Мужу (ЛИЭ, Джеку) запретила пускать меня в дом. Нашла ему другую женщину, обеспеченную. Друзей его обзвонила, распорядилась меня "гнать поганой метлой", если я заявлюсь. Муженёк мой поступил ещё лучше: схватил в охапку какие - то мои вещи, посадил меня в автофургон и вывез в "чисто поле" — в какое-то общежитие, где он, якобы, договорился

о моём проживании: снял для меня комнату, заплатив за месяц вперёд и исчез. Меня погнали оттуда уже через неделю. Родственники мои были уже далеко… и не могли мне помочь. Ну, что делать? — ютилась по чужим углам, работала, где придётся, соглашалась на любые условия оплаты. Сколько раз сидела без денег, отказывала себе в самом необходимом, но даже тут мой бывший супруг (а ныне муж обеспеченной женщины) меня находил и выпрашивал деньги или еду. (Какие-то странные у него были отношения с обеспеченной женщиной). Часть моих вещей, которые ещё оставались у него, свекровь продала, поскольку считала меня обязанной платить за коммунальные услуги на её жилплощади, где я пока ещё была прописана, но не жила. Прописки на своей жилплощади у меня к тому времени уже не было. Последние драгоценности, которые у меня ещё оставались (обручальное кольцо и серёжки) тоже пришлось отнести в скупку и продать, когда бывшему мужу в очередной раз понадобились деньги. И наступил момент, когда не осталось у меня вообще ничего: ни крыши над головой, ни работы, ни средств к существованию. Зато подступили болезни… И вот тут уж я натерпелась страданий, когда во время тяжелейшего приступа пришлось паковать чемоданы и переезжать на другую квартиру, искать себе другое жильё!.. А все эти мучения с квартирными хозяйками, которые так взвинчивали цены, что — куда там!.. А я же не умею отказываться, не могу торговаться, не могу говорить "нет"! Сейчас, — слава Богу! — удалось найти себе закуток (в гробу наверное просторней!), удалось спрятаться от всех, жить за закрытыми ставнями, с отключенным телефоном, вдалеке от всех бывших родственников и друзей, чтобы уже никогда и ни от кого не слышать никаких просьб. Потому, что говорить "Нет!" я всё ещё не могу. — язык не поворачивается отказать: сколько раз брала на себя чужие долги, чужие налоги, чужую вину. Я уже научилась переносить тяжёлые испытания, привыкла обходиться без посторонней помощи и полагаться во всём только на себя. А говорить "нет" — так и не научилась! Для меня главное — сейчас ни с кем не общаться, чтобы не идти на поводу у чужих просьб. До пенсии осталось — всего ничего, — как-нибудь дотяну. На свою прошлую жизнь я не могу оглядываться без отвращения: содрогаюсь от ужаса… Вспоминаю её, как кошмарный сон, который всё ещё продолжается и никак не закончится. И весь состоит из одних только провалов, упущений, ошибок. Сколько своих шансов я отдала другим — не перечесть! Сколько средств растратила на безнадёжно неблагодарных людей, которые впустую всё разбазарили, прокутили, потратили на игру, на авантюры, афёры, пустые, суетные хлопоты. Бабушка ещё успела дожить и увидеть начало всех моих крушений и очень переживала из - за этого. Считала себя виноватой в том, что "сломала" мне жизнь: сделала меня жертвой чужих прихотей и чужой воли, приучив к безотказной покорности. Хотя в первую очередь, я была жертвой её прихоти и её амбиций, — её желания осчастливить весь мир, создав этакое идеальное существо — этакую кроткую, нетребовательную, неприхотливую Золушку, достойную сказочного принца — безупречно покорную, безоглядно жертвенную и беспредельно уступчивую… — этакую кроткую "овечку", ставшую пожизненной приманкой для "волков"."

[1] Характерное агрессивно - защитное проявление мобилизации волевой сенсорики Достоевского (-ч.с.4), при которой он (ЭИИ), устав от обязанностей опекуна и ощутив приступ слабости, начинает терроризировать (физически истязать) своего подопечного, стараясь оградить себя от его претензий и сохранить для себя хотя бы малую толику оставшихся сил.

Можно представить себе всю бездну отчаяния человека (Драйзера), у которого "с корнем", словно больной зуб, вырвали столь ненавистный Достоевскому аспект волевой сенсорики. (Если, изувеченного, лишённого рук и ног ребёнка унести в лес и оставить там без помощи, бросить на произвол судьбы, — это будет равнозначный по степени жестокости поступок.) Точно так же и здесь изувечили человеку модель: волевой реализации, волевой защиты — никакой! (Человек не имеет права сопротивляться насилию, даже выраженному в форме настойчивых просьб, не имеет права отказываться и отказывать.) Интуитивной защиты — никакой! (Человек не имеет права ни предчувствовать, ни предотвратить беду, он не имеет права сомневаться в честности заверений бесчестных людей, он не имеет права не верить их обещаниям. Он обязан идти на уступки.)

Одновременно с этим: логической защиты — никакой. Ребёнок видит бездну лицемерия, двуличия и лжи этой заботливой и любящей бабушки, которая с одной стороны навязывает ему противоестественные условия существования, требует подражания героиням романтических сказок и сериалов, но при этом является антиподом той программы, которая навязывает сама. Восхищаясь их кротостью, являет собой образец вопиющей жестокости. Требуя безоговорочной уступчивости от ребёнка, является образцом несокрушимого, железобетонного упрямства.

Понятно, что ни логической, ни этической, ни нравственной сути во всех этих "добрых отношениях", калечащих его психику, и соответствующих им "воспитательных мерах", ребёнок - ЭСИ не видит. "Любящая" бабушка набрасывается на девочку злобной фурией, навязывает ей вредные, ненавистные вкусы, нездоровые, вредные привычки и в каждом конкретном случае заставляет её поступать во вред себе или неправильно. Постоянно совершает насилие над её здоровьем, судьбой, жизнью, личностью, навязывая ей всё это, и при этом не устаёт "учить" её "человеколюбию", жертвенно - чуткому и деликатному отношению к ближнему. А где чуткость, по отношению к самой девочке? Где уважение к её личности, её взглядам, её вкусам, её мнению? Почему она не имеет права на своё мнение? Почему не имеет права на отказ, когда ей навязывают то, от чего с души воротит — заставляют толстеть, есть всякую бурду, одеваться, как пугало. Почему она не имеет права даже защищать своё здоровье, когда её калечат морально и физически? И где он — пример чуткого и деликатного отношения к ней со стороны взрослых? Почему они от неё ждут того, чему сами не являются примером?

Как это похоже на Достоевского: считаться с желаниями чужих людей и игнорировать просьбу близких. Устраивать "культ ребёнка", демонстративно расстраиваться "из-за того, что он не доел пончик" и одновременно с этим жестоко подавлять его волю, бойкотировать все его просьбы и терроризировать намеренным безразличием к его желаниям, постоянно унижая его этим, давая понять, что он здесь "никто" — самый

маленький и самый бесправный человек, а потому и должен безоговорочно повиноваться старшим, которые лучше знают, что ему нужно. Бабушка в вышеописанном случае была уверена, что девочку надо откармливать как клушу, растить, как тупое, ленивое животное, заставлять её только есть, да спать, воспитывать, как жертвенную овечку, предназначенную для заклания.

10. Достоевский — Драйзер. Расплата за иллюзии

Дорого приходится платить Драйзеру за желание Достоевского обращаться с ним, как пластичным материалом, из которого можно лепить всё необходимое и желаемое, или как с подопытным кроликом для своих опасных педагогических и социальных экспериментов, ставящих целью подменить желаемым действительное.

Дорого приходится платить Драйзеру за стремление Достоевского создать идеальный мир исключительно методами воспитания "идеально уступчивого человека", рассуждая так: "Если я воспитаю идеально уступчивого человека, которого за его кротость все будут любить, и если другие сделают то же самое, — можно только представить, каким идеальным сразу же станет мир: волки будут пастись рядом с ягнятами, и все будут дружить друг с другом и мирно щипать травку. А для этого (согласно методике) нужно уже сейчас начинать вырывать у волчат коготки и зубки, а у ягнят обрезать копытца и рожки, чтобы все они были мяконькими и пушистыми, абсолютно бесхребетными и бескостными, уступчивыми и покладистыми. Это ничего, что они пока не довольны таким воспитанием — плачут, сопротивляются, — счастья своего не понимают! Зато потом, — какой будет красивый и идеальный мир, когда все упрямые и агрессивные "зверюшки" станут в нём безобидными, как мягкие игрушки!

Спрашивается: а где же этическая программа ЭИИ во всём этом? Где она, — любовь к ближнему?

Ответ: она присутствует как далёкая стратегическая цель. Вот когда превратим всех сущих на Земле в кротких ягнят (или в белых пушистых кроликов), мирно жующих травку, вот тогда и наступит вселенская любовь к ближнему: никто никого не обидит, потому, что все они — животные безобидные. А превращать ребёнка в безобидное и бессловесное животное можно начинать уже сейчас. Если эксперимент удастся, глядишь, и другие твоему примеру последуют. А для того, чтобы эксперимент прошёл успешно, надо брать в обработку ребёнка, предрасположенного к добру — тихую, спокойную, послушную девочку. Вот она сидит себе, никого не обижает, с куклами играет, — подойди и лепи из неё всё, что хочешь, — дерзай и терзай в своё удовольствие! Ни в чём себе не отказывай, потом посмотрим, что вылепится.

11. Достоевский. Двойственное отношения к насилию

О сложных и дву- стандартных отношениях Достоевского к силе и насилию уже много раз говорилось. Истребление сильных путём преобразования их в бессильные, бессловесные и бесхарактерные существа — один из распространённых способов борьбы Достоевского с насилием, со "скрытой" и немотивированной агрессией во всех её проявлениях.

Закон простой: если не хочешь, чтоб над тобой совершали насилие, будь насильником сам. А если, при этом, ты слывёшь кротким, чутким, доброжелательным человеком, если мотивируешь свои действия благими намерениями и высокими гуманистическими идеалами, — никто никогда не заподозрит в тебе злого умысла. Никто никогда не поверит, что любящий и близкий родственник третирует своего ребёнка, если он мотивирует это лучшими побуждениями, — делает это "для общего блага", "для блага ближнего", "в воспитательных целях вообще".

Бытует мнение: "Близкий родственник не может желать зла своему ребёнку — так не бывает!". (А особенно, когда он через два слова на третье говорит: "Я учу тебя добру, я хочу, чтоб ты был хорошим и добрым! Чтобы тебя все любили!".) Считается, что ребёнок должен быть благодарен ему за такую заботу о его будущей судьбе и может быть абсолютно уверен в том, что ему желают добра.

Но тогда на кого и на что списывать все эти преступления?! — на невежество, ханжество, жестокость, беспросветную глупость, безнаказанность взрослых? На неопытность и неосведомлённость детей? А что может объяснить пятилетний ребёнок своей невежественной, глупой и амбициозной бабушке, которая задалась целью сделать из него "сверх - человека", — чтобы стал праведником при жизни, — этакого предельно покладистого "человека - невидимку", — чтобы места не занимал, ничего не требовал и не просил, был мягким, щадящим и деликатным, как благоприятная воздушная среда. Чтобы мечтал о воздушных замках, жил в ирреальном пространстве и ожидал сказочного принца, который за ним приедет и увезёт, куда надо. А приезжают и увозят санитары из психбольницы, или грузчики из похоронного бюро…

12. Достоевский. Двойственное отношение к обещанному. (Позиция: "Отказывать в просьбе нельзя, а разочаровывать действием — можно")

Позиция Достоевского: "Отказывать в просьбе нельзя, а разочаровывать действием можно", являясь производным его творческой, манипулятивной интуиции потенциальных возможностей, позволяет ему предусмотрительно избегать конфликтов, во многих сложных, "неудобных" ситуациях, требующих от него слишком больших жертв и уступок, чрезмерной мобилизации сил и возможностей. Во избежании этого Достоевским и практикуется двустандартное отношение к обещаниям, стараясь не наживать себе отказом врагов. Отсюда и правило: "Если ты обещаешь человеку свою помощь, это ещё не значит, что ты должен её оказывать, — мало ли как могут сложиться обстоятельства! Главное, не обижать человека отказом".

Хоть Достоевский и придерживается такого правила, он не всегда ему следует. Особенно, если должен не только согласиться с неудобными для него условиями, но и поставить под этим соглашением свою подпись на юридически заверенном документе. На такой риск Достоевский не идёт (предусмотрительный). И очень огорчается, когда от него этого требуют.

Обижается, когда видит, что его устному обещанию не доверяют.

Пример:

Адвокат фирмы (ЭИИ, Достоевский), закрывая страховой счёт увольняющемуся сотруднику, сначала потребовал расписку за сумму и деньги, а назвал сумму этих денег сделал окончательную выплату этой суммы только через неделю. А когда работник (ЭСИ, Драйзер) сказал: "Так, давайте, я через неделю вам и распишусь в получении. Сумма-то не маленькая: почти тысяча долларов!". Адвокат (ЭИИ, Достоевский) весь затрясся от волнения, покраснел, перегнулся через письменный стол, лицо свой приблизил к работнику, в глаза ему посмотрел глазами, налившимися от гнева и, подавляя ярость, с придыханием тихо, но внятно сказал: "Расписку даёте сейчас, а деньги будут потом. Мне без вашей расписки их для вас не получить!". "Но ведь я даже не знаю суммы, которая мне причитается" — Возмутился Драйзер. "Получите деньги, тогда узнаете." — отрезал адвокат, давая понять, что разговор окончен.

Через неделю деньги работнику были выплачены. Сумма окончательного расчёта страховки оказалась смешная (в восемь раз меньше ожидаемой). А расчётный лист этой суммы работник, закрывший страховку, так и не получил. (А с другой стороны, какие могут быть претензии? Этот адвокат ведь не обещал выплатить всю сумму, да ещё после того, как за неделю до этого получил расписку в получении с пробелом на том месте, где пишется сумма. Мог бы вообще "кинуть" и не выплатить ничего (тем более, что все документы для того, чтобы отстоять свои права, у него на руках были). Но он всё -таки что - то работнику выплатил. Так что, считай, и обещание своё выполнил. А уж как выполнил, — не взыщите и не спрашивайте…)

Другой пример: милейшую девушку ЭИИ (Достоевский) должны были взять на работу, на фабрику художественных промыслов. Работа по росписи фарфора, — красивая, приятная работа, но трудоёмкая и низкооплачиваемая. И всё бы ничего, но у девушки потребовали письменное обязательство в том, что она проработает на этом месте три года без увольнения. А если уволится, на неё подадут в суд и взыщут огромную денежную неустойку. (Хозяйка фирмы (Штирлиц) такими методами боролась с текучкой кадров.) Девушке очень хотелось получить эту работу. Но не может Достоевский закабалить себя на три года, — побоится упустить лучшие альтернативные варианты. (Это же какой удар по творческой функции (- ч.и.2) — интуиции потенциальных возможностей!) Девушка стояла и рыдала возле кабинета директора очень громко и долго. Все сотрудники ходили её утешать, а она им сквозь всхлипывания говорила, что очень хочет получить эту работу, но не может согласиться с такими условиями и этой распиской. Вот если бы от неё не требовали письменного обещания, тогда бы она возможно и согласилась. Где-то полтора часа продолжалась эта слёзная демонстрация перед кабинетом директора. Победила хозяйка фирмы: условия приёма на работу не изменила. (Из-за чего ей вскоре пришлось закрыть своё предприятие, потому что с такой распиской устраиваться на работу желающих не находилось.)

13. Драйзер. Работа с превышением сил и возможностей. Отношение к обязательствам и обещаниям

В отличие от Достоевского, Драйзер (как программный этик и творческий волевой сенсорик с высоко развитым чувством ответственности не может позволить себе пойти на такие уловки (устно обещать что - либо, а потом "кидать" и "соскакивать"). Даже если бы с него не взяли подписку, достаточно было бы и одного его устного обещания для

того, чтобы выполнить все условия. (К слову сказать, работница той же фабрики - ЭСИ, Драйзер, отработала ровно три года от звонка до звонка — до самого закрытия фирмы, без всяких расписок. И только потому, что когда - то имела неосторожность устно дать такое обещание: её попросили согласиться на предложенные условия, и она согласилась, потому, что ей тоже очень работа была нужна. Все свои обязательства перед фирмой она выполнила. Но когда после окончания оговоренного срока ей предложили ещё худшие, ещё более трудновыполнимые условия, она отказалась их выполнять. На неё обиделись. И ей стоило большого труда уговорить администрацию уволить её "по сокращению штатов" — то есть с выходным пособием и с правом на пособие по безработице. А то, — что же? — она работала лучше других, а получает худшие условия при увольнении. Администрация нехотя пошла ей навстречу.)

Основная проблема (и основная особенность) принципиального педанта -Драйзера как раз в том и заключается, что НЕ отказывая человеку в просьбе (соглашаясь на его условия), он все силы прикладывает к тому, чтобы не разочаровать его и в действии. И из - за этого огромное количество нагрузок и обязательств попадает на его проблематичную (в том смысле что — "осторожную", "разборчивую" и "щепетильную" (в средствах и методах реализации) — "опасливую" интуицию потенциальных возможностей (+ч.и.4).

Уж, если Драйзер что- то пообещал, то выполнит непременно. Ссылаться на то, что он - де чего - то недоучёл, "не владел всей информацией", когда брал на себя трудновыполнимые обязательства, — разводить руками, говорить: "Откуда я мог знать, что не справлюсь?", — не в его правилах. "Устраивать истерику, уходить от ответа, от ответственности, обижаться за то, что от него ожидают выполнения обещанного — тоже не будет. Если обещал — сделает. Даже, если от себя оторвёт. (А уж без этого не обходится: ценой огромной затраты сил, времени, средств и ресурсов он обещанное выполняет.)

И по-другому не бывает, потому что на лёгкие поручения его не подписывают. (Лёгкие поручения выполняют те, кто навязывают ему эту работу).

Потому Драйзер и не спешит разбрасываться обещаниями, что слишком отчётливо видит, как его обязательностью пытаются манипулировать. Поэтому так не любит говорить "Да!", когда по логике вещей, по здравому размышлению, по объективной оценке его собственных сил, возможностей и ресурсов, ему следовало бы ответить "Нет!", чтобы сохранить хоть какую - то толику сил и средств для себя. (Вспомнить, хотя бы, что сегодня ещё не конец света, завтра его тоже попросят о каких то услугах и возможно, трудновыполнимых и дорогостоящих. Поэтому уже сегодня ему не мешало бы остановиться и подумать об этом, и поумерить свой альтруистический пыл: следовало бы отказать настырному, наглому манипулятору и сказать "Нет!" в ответ на его просьбу. ("На "нет" и суда нет. На "да" — жди суда!")

"Но ведь кто - то же должен это сделать!" — нападает на него с упрёками Достоевский. — Сейчас ты сделаешь что - то полезное для кого - то, в другой раз это сделают для тебя! Не надо отказывать и отказываться: сделай, что можешь."

Уступчивый и беспечный Драйзер в очередной раз так и поступает, — "Эх, была - не была! Где наша ни пропадала!". Но потом видит, что и этой уступки уже оказывается недостаточно, — "лохотрон" уже запущен и работает в интенсивном режиме: тем уступил, другим уступил, третьим тоже надо бы уступить, а то неудобно как - то получается: они обидятся, они подумают, что ты к ним хуже относишься.

"Не надо отказываться! Спеши делать добро для людей. Если можешь что - то сделать для них, делай! Если не можешь, попробуй сделать хоть что - то — всё лучше, чем ничего. Они и за это тебе будут благодарны." — наставляет его Достоевский. И не то, чтобы Драйзеру нужна была их благодарность, но он уступает очередному просителю просто потому, что его инволюционная этическая программа (-б.э.1) уже перестраивается на альтруистическую этику отношений (+б.э.), при которой Драйзер идёт по жизни с явным превышением сил и возможностей данных им обязательств и другим, и самому себе. (И попадает в крайне сложное и зависимое положение: число страждущих, — желающих обратиться к нему с просьбами, — постоянно растёт. Одновременно с этим повышается и планка их запросов и требований, которую они намеренно завышают: им интересно определить предел его возможностей, чтобы полнее пользоваться его услугами. Хочется знать, как далеко может зайти в своей уступчивости этот на удивление сговорчивый и покладистый человек (теперь уже привыкший работать на отдачу).

А после этого остановиться в своих требованиях они уже не смогут: каждый старается вытянуть из уступчивого человека по максимуму того, что тот может дать, чтобы потом не сожалеть об упущенных возможностях и не думать о том, что другим больше досталось.)

А что же Достоевский? Он во всём этом занимает удобную и выгодную для себя роль "благодетеля за чужой счёт" и "общественного радетеля" (созидателя социальных благ чужими руками). Для этого он и воспитывает новые поколения уступчивых, отзывчивых и безотказных "овечек", готовых жизнью пожертвовать ради чужого блага. Для этого и "пасёт" всю эту армию добровольных "рабов", для того и считает себя их духовным пастырем и добрым наставником.

А на деле всё это оборачивается самым обычным добровольным, жертвенным, рабством, вульгарным сектантством ("районного масштаба"), где человека за его добрые дела ещё и пичкают нравоучениями, проповедями, одурманивают мистицизмом, обещая рай на небесах, мученический венец и ранг "святого" по смерти. Раздувают его честолюбие, ориентируя и на блестящие перспективы в ближайшем будущем: предрекая успехи и всяческие блага при жизни — это уж, кому, что больше нравится. Тут уж "наставник" действует тонко, стараясь угадывать заветные желания своих "рабов", и интуитивное чутьё его не обманывает.

Играя на воодушевлении Драйзера, или "беря на слабо", Достоевский использует его энтузиазм в своих интересах. (Примерно так, как это делает ревизор Драйзера Гексли). Если Драйзер начинает бойкотировать его требования и отказывается быть его послушной, безвольной, бездумной, отчаянной марионеткой, Достоевский с

перекошенным (или раскрасневшимся) от гнева лицом, начинает нападать на него с очередными упрёками. Надвигается, упрямо набычившись, сжимает кулаки, словно собирается поколотить его для пущей весомости аргументов.)

— Чем оборачивается для Драйзера эта его уступчивость, его беспредельный альтруизм и бесконечная работа на отдачу?

— Кроме полнейшего истощения ресурсов, — ещё и полнейшей безответственностью по отношению к другим и к самому себе. Когда отказывать в просьбе уже нет сил, а выполнять её — нет ни сил, ни средств, ни возможностей, возникает апатия, ощущение бессилия, ощущение невозможности, что -то изменить в своей судьбе. А вместе с этим приходят и новые беды: бесконечная усталость, болезни, моральная и нравственная опустошённость, одиночество, неустроенность, социальные и экологические бедствия. И тогда уже человек живёт вне этики, и вне обязательств: чувствует себя так, словно и не существует на этом свете, словно где - то ещё по инерции этот мир "обтекает" его стороной.

Достоевский окажет плохую услугу своим "клиентам", если в этот момент всё же попытается подступить к Драйзеру с каким - то поручением или просьбой. Обещание, данное им, будет либо очень плохо выполнено (на грани допустимого минимума), либо не будет выполнено вообще. И вот тогда уже "исполнителя" (все чувства которого к тому времени уже будут перекрыты и пережжены) стыдить будет поздно и бесполезно.

Впрочем, для Достоевского это обстоятельство не смущает: он может и на выжженную землю прийти, чтобы засеять новые семена "разумного, доброго, вечного"…

14. Достоевский. Неразборчивость в средствах оказания помощи

Себе Достоевский работать на износ не позволит. При его слабой и проблематичной волевой сенсорике (-ч.с.4) и манипулятивной, творческой интуиции потенциальных возможностей (-ч.и.2), он себя до таких крайностей не доводит. Силы и возможности свои бережёт и предпочитает расходовать экономно. Поэтому часто реальное выполнение обязательство подменяет формальным и мнимым.

В качестве формального соблюдения обязательств Достоевский может предложить такой вариант решения проблемы, который решающим фактически не является, а только создаёт видимость решения проблемы, — то есть, вместо фактического выполнения обещания, подсовывает "обманку", "пустышку". При этом, буквально "на голубом глазу" (разыгрывая роль простака или по - детски наивного человека) выдаёт её за чистую монету, — внушает и себе и другим, что оказывает вполне качественную услугу.

Его изобретательность в этом плане может шокировать окружающих.

Так, например, по просьбе друзей один молодой человек (ЭИИ, Достоевский) искал жильё для их общей знакомой ЭСИ, Драйзера.(Сам вызвался услужить и очень

обиделся, когда узнал, что кто - то ещё ей помогает в этом вопросе). Подобрал два варианта, — две комнаты в разных коммуналках: одна — рядом по соседству с вором - рецидивистом, недавно вернувшимся из мест заключения, другая — в двух - комнатной коммуналке рядом с соседкой шизофреничкой, состоящей на учёте в псих.диспансере. При этом настоятельно рекомендовал выбрать один из этих двух вариантов. Друзьям заявил, что не будет искать других вариантов, если эти останутся невостребованными.

Его "добрая услуга" в конечном итоге обернулась против него: одну из комнат (в квартире с вором - рецидивистом) ему самому (в силу сложившихся обстоятельств) пришлось вскоре занять (это была комната его родственников). Кончилось для него всё это очень большими проблемами — долгими судебными разбирательствами и другими неприятными хлопотами.

Досадная неувязка произошла и тогда, когда тот же молодой человек (ЭИИ, Достоевский) предложил свою помощь в трудоустройстве (всё той же) подруги - ЭСИ — вызвался показать её рисунки руководителю дизайнерской группы той фирмы, в которой работал сам. Через несколько дней "с сожалением" сообщил, что рисунки её впечатления не произвели. Развёл руками и отказался от дальнейших хлопот и поисков работы для неё. А ещё через какое - то время "очень удивился", когда узнал, что её рисунки выставлены на продажу в одном из элитных художественных салонов города.

Подменяя мнимой услугой реальную, Достоевский в этическом плане бывает далеко не так безупречен, каким хотел бы казаться. Иногда он пользуется этим приёмом и для того, чтобы под видом доброй услуги досадить потенциальному конкуренту или нейтрализовать его: сбить с него гонор, приглушить его деловую активность, подавить творческую инициативу, пустить его по ложному следу с тем, чтобы завести в тупик, поставить в неловкую или безвыходную ситуацию, заставить его потерять время и упустить свой шанс.

Все эти "трюки", "подставы" и козни, преподносимые как добрые услуги, возмущают и шокируют Драйзера. Это двойственное отношение Достоевского к этическим нормам, двуличное и лицемерное отношение к обещаниям, неразборчивость в средствах оказания услуг (чем, по меньшей мере можно оправдать его козни), заставляет Драйзера с ещё большим недоверием относиться к показной благожелательности Достоевского, а затем и отказываться от его добрых услуг, даже если тот и относит их "очередные" и "досадные" срывы за счёт "случайных недоразумений", ссылаясь на непредвиденные и независящие от него обстоятельства.

Пример:
Две подруги (ЭСИ, Драйзер и ЭИИ, Достоевский) пытались сделать карьеру в шоу - бизнесе. Раскручивались они обе достаточно скромно: собственными силами, средствами и возможностями. Но подруге - Драйзеру неожиданно повезло: участвуя в музыкальном конкурсе, она вышла в финал и получила возможность выступить в развлекательной субботней телепередаче. Одновременно с этим у неё появилась возможность устроиться на работу в очень престижный коллектив, и ей хотелось представить на собеседовании видеозапись будущего выступления. Она заранее

попросила подругу ЭИИ, Достоевского записать на видео нужный фрагмент телепередачи, и та пообещала в точности исполнить её просьбу. Выступление на телевиденье прошло успешно. Но запись этой телепередачи подруга - ЭИИ, ссылаясь на занятость, всё как - то не спешила передать. Встретились они в день собеседования, в каком - то случайном месте, на улице, на перекрёстке. Подруга - ЭИИ передала пакет с видеозаписью, которую Драйзер уже через полчаса должна была представить взыскательному работодателю. То, что она увидела на этом диске, её шокировало и удивило до крайности: это было не её выступление, и не в её жанре… В тот же вечер она позвонила подруге и спросила: "Как это понимать?!". В ответ услышала: "Извини, я ошиблась диском.". Хотя, отдавая в тот злополучный день этот диск, она клятвенно заверяла подругу, что диск проверила, с диском не ошиблась, и перепроверять, и просматривать его перед собеседованием ей не нужно.

Меньше всего Драйзер предполагает наличие такого чувства как зависть в этом милом, кротком (на первый взгляд) и услужливом Достоевском, — не ожидает от него той чёрной зависти, которая не позволяет дельта - интуитам допустить к перспективному полю возможностей потенциального их конкурента.

Инволюционная интуиция потенциальных возможностей, доминирующая в модели ЭИИ, Достоевского (-ч.и.2) — аспект аристократический и даёт определённые ранговые преимущества в дельта - квадре. Упустить их или предоставить другим здесь желающих не находится. В дельта - квадре неудачники плачут, а "везунчики" торжествуют. И никого не касается, какими средствами они захватили себе эти возможности, — перекрыли к ним доступ другим, или перехватили у них этот шанс, — об этом никто здесь допытываться не будет. Важнее всего результат, — конкретные достижения и успехи.

Источник

Обсудить на форуме